

К.В. Ворожихина

Скромный философ А.М. Лазарев: жизнь, идеи, переписка*

Ворожихина Ксения Владимировна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

Рецензия посвящена новой книге Владимира Хазана, в которой собрана переписка «забытого» экзистенциального мыслителя из «шестовского» круга А.М. Лазарева с философами и писателями Г.Г. Шпетом, Н.А. Бердяевым, А.М. Ремизовым, Дж. Папини, Львом Шестовым, Ж. Гренье и Б. Шлёцером; также в том включены неизвестные очерки о философии Льва Шестова. Из вступительной статьи и опубликованных писем мы узнаем о биографии Лазарева, направленности его взглядов, о его окружении, жизни и деятельности русских мыслителей и писателей в эмиграции, а также о рецепции отечественной философии в Европе. Несмотря на то что между взглядами Шестова и Лазарева много общего (интерес к личностям исследуемых философов, метод «странствования по душам», философствование о «едином на потребу» (Лк. 10:42), борьба за человека и его свободу, критика рационализма и интеллектуализма, религиозные искания и др.), интересы Лазарева не ограничиваются философией Шестова: ему принадлежит одно из первых в России обстоятельных исследований о прагматизме и одна из наиболее удачных отечественных работ о Бергсоне, также им была написана статья, сыгравшую заметную роль в истории изучения философии Ж. Лекье. Книга Хазана открывает для истории русской мысли и культуры имя и сочинения философа, который оказался вне поля зрения исследователей и читателей.

Ключевые слова: Адольф Лазарев, экзистенциальная философия, русская религиозная философия, Лев Шестов, Анри Бергсон, Уильям Джеймс, Джованни Папини

В новой книге профессора Иерусалимского университета Владимира Хазана собрана значительная часть переписки «забытого» русского философа «в должности банковского служащего» Адольфа Марковича Лазарева с философами и писателями: Г.Г. Шпетом, Н.А. Бердяевым, А.М. Ремизовым, Дж. Папини, Ж. Гренье, Л. Шестовым, Б. Шлёцером; также в том включены статьи о философии Льва Шестова. Лазарев был мыслителем экзистенциального типа, принадлежал «шестовскому» кругу

---

* Рецензия на кн. «Усердный толкователь шестовской беспочвенности»: Адольф Маркович Лазарев. Письма. Статьи о Льве Шестове / Сост., общ. ред., вступ. ст. В. Хазана. М.: Водолей, 2019. 440 с.

(наряду с В.Г. Малахеевой-Мирович, С.В. Лурье, Е.Г. Лундбергом, Е.Д. Шором, Г.Л. и Ф.И. Ловцкими и др.) и, подчеркивает Хазан, был «усердным толкователем шестовской беспочвенности» (выражение Г.Л. Ловцкого).

Киев

Лазарев родился в Киеве в 1872 г., учился на юридическом факультете Университета Св. Владимира, посещал психологическую семинарию проф. Г.И. Челпанова, где познакомился со Львом Шестовым, Н.А. Бердяевым, Г.Г. Шпетом, В.В. Зеньковским и др. Из-за еврейского происхождения он не мог пойти по академической стезе и сделал успешную карьеру на финансово-банковском поприще; но своему призванию – философии – он мог уделять лишь досуг, что крайне тяготило мыслителя. Работу в банке он совмещал с чтением лекций по современной философии в Киевском университете.

В 1916–1917 гг. Лазарев состоял в переписке со Шпетом, когда тот защищал диссертацию по теме «История как проблема логики», на которую живо откликнулся в письме Лазарев. Как отмечает Т.Г. Щедрина во вступительной заметке, в работе Шпета «Лазарев увидел <...> неординарные интерпретации, казалось бы, старых гносеологических проблем» [Хазан, 2019, с. 350]. Лазарев пишет: «...Ваша книга меня волнует. Уже одна эта глава о Вольфе – целое открытие, с которым в современной борьбе вокруг рационализма очень придется считаться и друзьям, и недругам. Если Вы были вполне самостоятельны в Ваших поисках (а, по-видимому, это так), то нельзя достаточно оценить Вашей заслуги. Это – не дружеское преувеличение с моей стороны. Это – “радость о бытии”, радость человека, которому показали дотоле неведомый ему (потому что замусоренный) уголок действительности, *живой* и красочной, – там, где прежде он видел только призрак, мертвое слово» [там же, с. 352].

Труд Шпета интересует Лазарева и как исследование по логике истории, в 1905 г. им была написана рецензия на книгу Г. Риккерта «Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки» [Лазарев, 1905, с. 242–254], посвященную схожей проблематике. В письме он также высказывает намерение откликнуться на диссертацию Шпета, однако, по всей видимости, этот замысел не был осуществлен.

Одним из кумиров Лазарева был Анри Бергсон, над обзором его идей он работал около пяти лет, поскольку последние годы до эмиграции были для Лазарева крайне тяжелыми. В 1912 г. он писал Бергсону с надеждой получить книги, недоступные в России. Через много лет Лазарев дважды встретится с Бергсоном в Париже, и они будут вести многочасовые беседы о философии (см. письмо Папини 25 мая 1931 г.). Бергсон укажет Лазареву на то, что нет ни одной книги о Джеймсе, по достоинству оценивающей гений философа.

Шпет предложил опубликовать статью о Бергсоне в философском ежегоднике, выходящем под его редакцией, но Лазарев считал ее неподходящей, слишком «популярной» для специального философского издания. В письме 21 сентября 1916 г. Лазарев пишет, что свою задачу видит в том, чтобы «дать живой образ философа, выявить его душу» [Хазан, 2019, с. 359]; он признается, что недоволен своей статьей, поскольку ему не удалось «пережить» то, о чем он пишет. Несмотря на сомнения Лазарева, его работа о Бергсоне была принята Шпетом и вышла в философском ежегоднике «Мысль и слово»; в этом же издании приняли участие Шестов, Е. Лундберг, М. Гершензон, П. Блонский, сам Шпет и др.

Берлин

В 1921 г. Лазарев эмигрировал. Жизнь философа за границей (в Берлине и Реймсе) отражена в его переписке с итальянским писателем и философом Джованни Папини, с которым Лазарев познакомился во время свадебного путешествия во Флоренции в августе 1913 г. Папини привлекал Лазарева тем, что в молодости был сторонником прагматизма, а в его ранних сочинениях прослеживалось влияние философии Джеймса и Бергсона. В письме итальянскому философу Лазарев раскрывает причины своей эмиграции. 25 мая 1931 г. он пишет: «Я – русский беженец с конца 1921 года. Не стану углубляться в политику, но покинуть Россию было необходимо по двум причинам. *Во-первых*, полная невозможность материального существования.

Во-вторых, узость, на мой взгляд, духовной жизни в России. Философия (кроме “диалектического материализма”) изгнана из русских университетов. Значит, я не мог ни продолжить курсы, которые я вел раньше, ни опубликовать что бы то ни было. Я недостаточно силен и недостаточно философ, чтобы существовать как философ-одиночка.

Кроме того, Вы, конечно, читали о борьбе “советов” против религии... и какими средствами?! Независимо от той или иной точки зрения на религиозные вопросы, я не мог дышать в такой атмосфере» [там же, с. 135–136].

В письмах мыслители обсуждают деятельность Русского философского общества, строят творческие планы, делятся идеями и переживаниями. Лазарев посвящает итальянского писателя в свои искания и ближайшие замыслы, раскрывает свое понимание еврейства: «Не помню, знаете ли Вы, что я – израэлит. Это означает, что у меня достаточно детских религиозных впечатлений, чтобы не удовлетворяться философской религиозностью, но и противостоять *иудео-христианскому* духу (я не *слишком* разделяю эти две вещи)» [там же, с. 161–162]. Религиозность Лазарева носит внеконфессиональный и глубоко личный характер; подобно Шестову, он не разделяет Ветхий и Новый Заветы.

Папини пишет Лазареву о своем интересе к философии Розанова и особенно – Федорова, а также говорит о весьма значительном влиянии Достоевского в Италии; он выражает свое восхищение сочинениями Шестова, которое не означает, однако, единства взглядов. Папини пишет: «Он (Шестов. – К.В.) кажется мне иногда очень глубоким, но одновременно слишком абстрактным, слишком “немецким”. Ницше был по-другому полон жизненными соками, кровью и поэзией. Шестов – это Иов, воспитанный талмудистами (стригущими волосы) и без надежды воюющий с безнадежностью. Но у него есть удивительная интуиция и философский пафос, которого сейчас почти никогда не встретишь. Розанов более конкретен, Бердяев более убедителен – но с Шестовым мы на вершинах, где воздух разрежен и трудно дышать» [там же, с. 148]. Итальянский мыслитель довольно хорошо знал творчество Ремизова, был лично знаком с К. Бальмонтом, Вяч. Ивановым, Д. Мережковским и З. Гиппиус. Он советовал Лазареву писать о неизвестных в Европе русских мыслителях – Соловьеве, Розанове, Федорове. В одном из ответных писем Лазарев говорит о сходстве Папини и Шестова, о сближающем их богоискательстве и бунтарстве: «Вы оба мне дороги. Вы оба не любили проторенные дороги. Вы оба были страстными искателями, вы оба – *бунтующие* души, и в то же время – души, которые искали лишь Бога» [там же, с. 141].

Сначала Лазарев с семьей, как и многие русские беженцы, остановился в Берлине, где вместе с Зеньковским принимал участие в организации Русского философского общества, а затем – с Бердяевым и др. – в деятельности Религиозно-философской академии. Вопросы, касающиеся работы философского общества, обсуждаются

Лазаревым в переписке с Бердяевым, из которой мы узнаем, что дома у Лазарева собирались Франк, Карсавин, Койген, а также Шестов и Гессен (см. письмо Лазарева Бердяеву 12 апреля 1925 г.). В Париже и Берлине он выступал с лекциями о философии Бергсона, о религиозных исканиях в современной философии, а также делал доклад о личности и творчестве Вальтера Ратенау. В письме Папини 29 октября 1922 г. он сообщает о своей работе над научно-популярной книгой о Бергсоне для берлинского издательства «Огоньки». В целом, время жизни в Берлине было благоприятным для Лазарева; А.М. Ремизов, с которым мыслителя связывала многолетняя теплая дружба и которому он оказывал в эмиграции посильную материальную помощь, в рассказе «Кишмиш» («Мышкина дудочка») пишет, что Адольф Маркович «и в Киеве слыл книжником, а в Берлине ударился в философию» [Ремизов, 2002, с. 138].

Реймс

Когда обстановка в Берлине стала нестабильной, Лазаревы задумали перебраться в Париж, но были вынуждены поселиться в Реймсе – Лазарев устроился там начальником счетного отдела прядильной фабрики. Хазан пишет в предисловии, что, обосновавшись в конце 1926 г. в Реймсе, Лазарев с точки зрения материального достатка достиг вполне устойчивого положения, однако «в отношении удовлетворения духовного голода все обстояло далеко не столь благополучно» [Хазан, 2019, с. 46].

6 июня 1929 г. он пишет Папини из Реймса: «<...> работа не по призванию поглощает меня, живет за мой счет, пьет мою кровь и разрушает душу, а я – я *не живу*» [там же, с. 130]. В письме Бердяеву (15 июня 1930 г.) он говорит о сирости своей жизни в Реймсе, крайней занятости в конторе и оторванности от философской среды. В этот период им была написана статья «Солнце Спинозы», приуроченная к 250-летней годовщине со дня смерти философа (она была опубликована в парижском русско-еврейском еженедельнике «Рассвет»), а также он работал над статьей о У. Джеймсе, которая по его замыслу должна была стать предисловием к научно-популярной книге, посвященной американскому прагматисту. Об этом Лазарев сообщает Папини в письме от 25 мая 1931 г., где подчеркивает, что не является последователем философии прагматизма и его больше интересует личность Джеймса, чем его идеи и прагматизм в целом: «Должен Вас предупредить, что я никогда не был прагматиком и сейчас не прагматик. Я думаю, что “прагматизм” Джемса больше, нежели нынешний англо-американский прагматизм; что философия Джемса больше, чем его прагматизм, и, наконец, что сам Джемс крупнее, чем его философия <...> В своей статье я пытаюсь приоткрыть интеллектуальную драму Джемса – более того, драму всей его жизни» [там же, с. 137]. Одним из важнейших моментов биографии Джеймса для Лазарева являются его духовные поиски. Он говорит об американском мыслителе как о «цельной душе, слишком неблагочестивой, чтобы удовлетвориться “религией философов”, и слишком жертве интеллектуализма, чтобы найти Бога *in extremis*» [там же, с. 161].

Статья [Лазарев, 1932, с. 20–55] вышла в журнале русской религиозной мысли «Путь», который редактировался Бердяевым. Из переписки Лазарева с Бердяевым мы узнаем об истории ее публикации. Когда работа о личности и творчестве американского прагматиста поступила в редакцию журнала, она называлась «В. Джемс и современность», но автор решил изменить заглавие на более соответствующее содержанию – «Философская судьба Вильяма Джемса»; кроме этого, Лазарев просил Бердяева предпослать статье эпиграф из Рабиндраната Тагора, который, по мнению

мыслителя, «очень подходит, чтобы суммарно охватить и порывы, и скованность душ, подобных Джемсу» [Хазан, 2019, с. 83]. Просьба Лазарева была частично удовлетворена: работа вышла под новым заглавием, однако без эпиграфа. Статья Лазарева о Джеймсе должна была быть напечатана в 4-й книжке авторитетного международного философского журнала “*Forum Philosophicum*”, но ее выход не состоялся¹. Перевод на французский язык был выполнен А. Койре.

Еще живя в Реймсе, Лазарев начал выезжать в Париж для чтения лекций по истории новейшей философии в Русском народном университете, во Франко-русском институте, а также для участия в бердяевских «воскресеньях». В конце 1932 г. начались перебои в работе прядильной фабрики, и Лазарев решает перебраться в Париж, чтобы начать поиски работы там: «...мы, наконец-то, покинем эту провинциальную дыру, где мы так одиноки» (из письма Папини 25 ноября 1932 г.; [там же, с. 156]).

Париж

В конце 1933 – начале 1934 г. благодаря помощи А.Ю. Доброго Лазареву удается устроиться работать в банк. Его отношения с Шестовым в этот период становятся более тесными, а их общение приобретает более интенсивный и регулярный характер.

Шестов был для Лазарева одним из подлинных духовных вождей поколения. В письме от 28 мая 1930 г. сестре Шестова Ф.И. Ловцкой он писал: «...я впервые прочитал Шестова (“Добро в учении гр. Толстого и Нитше”) в очень *трудную* пору моей жизни, когда *никакие* книги (и ничто) не могли меня интересовать, когда я не мог читать. И Шестов, только Шестов волновал меня. Нужно испытать иное такое, чтобы проблемы Шестова *почувствовать*. Словом, *тогда только* Шестов мог родить отклик в моей душе². Это незабываемо!» [Там же, с. 54.]

Лазарев со временем стал одним из ближайших и любимейших собеседников Шестова, участником нескончаемых философских диалогов и дискуссий, нередко проходивших между ними с глазу на глаз. Как отмечает Хазан, у Шестова была потребность в «интимных философских беседах», в «размышлении вслух вдвоем» с мыслителями, наиболее близкими ему по духу. Письма Лазареву он неизменно заканчивает приглашением: «Когда увидимся – потолкуем об этом» [там же, с. 203]; «О философии – поговорим, когда увидимся...» [там же, с. 275]. Лазарев был идеальным партнером для такого разговора – «креативным слушателем, единомышленником, но не со-глашателем, а со-переживателем, тонко улавливавшим нить и ход шестовской мысли» [там же, с. 193].

Крайне содержательная переписка мыслителей, начавшаяся в берлинский период в 1925 г. и продолжавшаяся до смерти Шестова в 1938 г., занимает центральное место в книге. На страницах писем Лазарев и Шестов обсуждают философские вопросы, делятся своими сомнениями и интуициями, дают оценки взглядам друг друга. Лазарев затрагивает различные аспекты шестовской мысли, акцентирует внимание на ее характерных особенностях: «Например, говорил Аристотель (?), что философия начинается с удивления. Мне кажется только, что обыкновенно философы *скоро* перестают удивляться *Nil admirati*³. Слишком скоро. А Вы вот и начинаете

¹ Журнал, в состав редколлегии которого входил Шестов (именно он убедил Лазарева направить статью в “*Forum Philosophicum*”), закрылся, выпустив всего три номера в 1930–1931 гг.

² «Кто не читал Шестова в *такие* минуты (дни, месяцы?!), мало понял Шестова», а кто читал хоть немного в такие минуты, знает о нем самое важное» (прим. Лазарева).

³ *Nil (nihil) admirati* – ничему не удивляться (лат.)

διαφέρειν⁴ (так, кажется?) и кончаете удивлением» (18 сентября 1927 г. [Хазан, 2019, с. 206]). В переписке с Шестовым Лазарев делится своими религиозными переживаниями: «Когда мне приходится иногда (редко!) в разговоре <...> давать себе отчет (пытаться формулировать), что я думаю о Боге <...>, то по мере того, как я пытался вслушаться или взглядеться во внутреннее моей души, все формулы становятся чем-то “не то”, тают, и в конце концов я упираюсь в какую-то точку, ибо все бывшее широким, пока я только говорил, суживается по мере того, как я углублялся в себя, как конус основания к вершине. И, однако, эта точка кажется мне пунктом, в котором заключено все то, что я считаю подлинно своим, моей жизнью, моей верой. М<ожет> б<ыть>, в этой точке на самом деле ничего нет, нуль <...>, но таково мое ощущение» [там же, с. 207].

В феврале 1936 г. Лазарев готовился к выступлению на собрании, организованном Русским академическим союзом, по случаю 70-летия Шестова. Он пишет Льву Шестову: «Вчера впервые после долгого промежутка провел всю вторую половину дня – без перерыва до позднего вечера... с Вами, т. е. читал страницы и целые главы из Ваших первых книг. И как я был взволнован! Я думал, что я знаком уже достаточно с Вашим философским творчеством, когда сосредоточивал внимание на Ваших *последних* книгах. Но Бог мой – говорю Вам искренне – какая сокровищница мыслей как будто впервые открылась мне в “Шекспире”, в “Добре”, в “Достоевском”, в “Апофеозе”! <...> И между прочим, в “Апофеозе” не только независимо от Бергсона, но до него (я могу это установить хронологически) Вы уже вскрываете основной подлог интеллектуализма и называете вещи теми же именами, делаете те же сопоставления, которые так поразили меня, так пленили в “Évolution créatrice”» [там же, с. 296].

Заседание, которое состоялось 14 марта 1936 г., началось со вступительного слова председателя союза П.Н. Милюкова; кроме Лазарева, прочитавшего доклад «О философии Льва Шестова», на заседании выступил Л. Леви-Брюль. Как отмечал Фондан, Шестов первоначально отказывался присутствовать на чествовании, но, в конце концов, сдался, в том числе и из-за участия Леви-Брюля (см. запись Фондана 20 марта 1936 г. в кн.: [Fondane, 1982]). На следующий день Шестов пишет Лазареву: «... <не> терпится, хочется хоть несколько слов сказать Вам по поводу Вашего доклада: вчера столько народу было, что ничего сказать нельзя было. Очень Вам за него благодарен: Вы сделали все возможное, точнее, даже невозможное. В немногих словах рассказали совсем неподготовленной аудитории столько трудных вещей. <...> И никогда я не чувствовал так наглядно нашу духовную близость. Видно было, что Вы говорили не только обо мне и за меня, но и о себе и за себя. Я бесконечно Вам благодарен за это, жму Вашу руку и обнимаю Вас» [Хазан, 2019, с. 299–300].

На протяжении всей переписки Шестов подталкивает своего адресата к философскому творчеству, пытается стимулировать его активность и вселить в него решимость и уверенность. 11 августа 1926 г. Шестов пишет: «<...> Вам нужно собраться с силами и рассказать обо всем, что Вы накопили в душе за долгие годы размышлений. Но нужно только быть решительнее – не столько оглядываться на то, что делаете» [там же, с. 203]. В очередной дружеской философской беседе Лазарев с Шестовым обсуждали диссертацию французского философа и писателя Жана Гренье «La philosophie de Jules Lequier» («Философия Жюльа Лекье». Paris, 1936). Вскоре (23 октября) Шестов пишет: «Знаю, что Вы не послушаетесь меня – но все же, выражаясь торжественно, считаю своим долгом сказать Вам, что думаю. По-моему, Вам нужно прекратить дальнейшие предварительные работы – и немедленно приступить к писанию статьи о Lequier. <...> Слушая Вас, я даже испытывал нечто

⁴ Διαφέρειν – удивление (др.-греч.).

вроде *jalousie du métier*⁵, как говорят французы – так хорошо и значительно было все то, что Вы говорили» [Хазан, 2019, с. 308]. Сначала Лазарев хотел написать рецензию на диссертацию Гренье, но впоследствии она разрослась в статью «Философский замысел Жюля Лекье».

Так из бесед Лазарева и Шестова родилась статья, которой Шестов остался крайне доволен. Он говорил Фондану: «Замечательная статья Лазарева о Лекье. Он хотел говорить обо мне, но я ему отсоветовал достаточно настойчиво, насколько мог это сделать. Я попросил его, чтобы он даже не произносил мое имя. Сравнить Лекье с Киркегардом, который очень известен даже во Франции, это да... Те, которые меня знают, поймут. Главное, это правильно определить проблему!» [Там же, с. 68.]

Статью высоко оценил Леви-Брюль, он написал Шестову, хлопотавшему за нее: «Статья г-на Лазарева, безусловно, заинтересует читателя “Revue Philosophique”, и я благодарю Вас за то, что Вы мне на нее указали. Лично я не стал бы отводить столь значительного места мысли Лекье в истории французской философии, но признаю, что он заслуживает того, чтобы о нем написали, и г-н Лазарев делает это превосходно и на безупречном <французском> языке» [там же, с. 325].

На статью, французский перевод (“L’entreprise philosophique de Jules Lequier”) которой был сделан Б. Шлёцером, отреагировал Гренье. Сразу после прочтения он отправил Лазареву письмо, в котором благодарил автора за интересную статью, согласился «с оценкой мыслей Ренувье и Лекье в отношении антиномии и напряженности, выявленных у Декарта и Лекье, о взаимосвязи между свободой и истиной у Лекье, о первоначалии свободы и о творческом акте» [там же, с. 104]; но вместе с тем ряд положений вызвал критику Гренье: «...я не верю, что для Л<екье> первоначальный грех был действительно причиной необходимости; считаю, что целью Л<екье> была не “борьба с доказательствами”, а только ее отправная точка; я вижу, что он ближе к Хайдеггеру, чем к Кьеркегору. В любом случае, нельзя сказать, что он был чистым прагматиком или чистым экзистенциалистом. Он слишком верил в “истину”» [там же, с. 105]. Гренье благосклонно отнесся к статье Лазарева и вместе с Шестовым рекомендовал ее Леви-Брюлю; она вышла в бердяевском «Пути» [Лазарев, 1938, с. 29–47] и в журнале Леви-Брюля “Revue philosophique de la France et de l’étranger” [Lazareff, 1938, p. 161–182]. Эта статья легла в основу доклада Лазарева «Проблемы свободы во французской философии XIX века», сделанного 29 мая 1938 г. на заседании Религиозно-философской академии, в дискуссии по статье принимали участие Бердяев, Вышеславцев и др.

Как отмечает Хазан, эта статья «стала авторитетным историографическим исследованием для последующего изучения философии Лекье» [там же, с. 68]. На нее ссылался в своей книге о Лекье известный французский философ Ж. Валь [Wahl, 1948, p. 107, 108, 113–116], с которым Лазарев был лично знаком.

В ноябре 1938 г. умер Лев Шестов. 18 декабря Религиозно-философской академией был устроен вечер памяти ушедшего философа. С главным докладом выступил Бердяев («Основная идея философии Л.И. Шестова»), кроме того, на сцене выступили В.В. Зеньковский («Религиозные искания Л.И. Шестова»), М.Л. Цитрон («Философский темперамент Л.И. Шестова») и Лазарев («Духовный облик Л.И. Шестова»).

Статья Лазарева, написанная на смерть философа, вероятно, является самой проникновенной из его работ о Шестове. В ней Лазарев подчеркивает, что главной темой Шестова был вопрос об ужасах существования: откуда они и что они такое? У философа было «нестерпимое сознание ужасности всякой человеческой судьбы»

⁵ *jalousie du métier* – профессиональная зависть (фр.).

[Хазан, 2019, с. 394]. Согласно автору, особенность «духовной настроенности» Шестова состояла в том, что именно через «предельно трагическое и безнадежность приоткрывался ему некий просвет» [там же, с. 395], и чем больше Шестов вглядывался в него, тем больше он убеждался, что то, что мы принимаем за истину, – не есть истина, а «наваждение, тяжкий кошмар, от которого нужно пробудиться» [там же]. Рядом с отчаянием, с мыслью о безнадежности жила другая мысль – мысль о Боге, о подлинном творце истины, и тогда ему открывалось, что «на самом деле и человек, и жизнь, и весь мир овеяны свободой» [там же], поскольку миром правит Бог.

В книге Хазана представлены 5 статей Лазарева о Шестове. Две из них – «Лев Шестов (К его семидесятилетию)» и «Философия Льва Шестова» – были изданы на языке оригинала и в переводе, три другие (рецензия на книгу «L’Athènes et Jérusalem», статья «Памяти Льва Шестова» и неоконченная работа «Философия Льва Шестова и ее библейские мотивы») – опубликованы впервые.

В этих очерках Лазарев подчеркивает «трудноуловимость» шестовской мысли, указывает на сложность ее восприятия, из-за чего нередко возникают искаженные интерпретации. Философия Шестова является исключительно личной, в ее основе лежит экзистенциальный опыт философа, подлинная жизнь которого – в его «философских борениях». Шестов, как пишет Лазарев, стремится пробудить нас от злых чар, насылаемых неведомой силой, которая пытается убедить нас в существовании несотворенных, предвечных, необходимых истин. Главная особенность его философии состоит в том, что Библия для него является источником не только религиозной, но и философской истины. Так, в рассказе Книги Бытия о грехопадении заключена, согласно Шестову, метафизика познания. Философ рассказывает нам о чудесах Библии, которые возможны лишь потому, что истины не вечны, а сотворены Богом.

Лазарев неоднократно подчеркивает, что Шестов не является «презирателем разума» и этики, так как «он знает, что в мире, где нужно сообща бороться за существование, нужны общеобязательные, принудительные истины, нужны обобщения науки и в общежитии нужны моральные нормы. Здесь, на отмени времен, приходится приспособляться, уступать принуждению, спрашивать» [там же, с. 392]. Но, отмечает автор, Шестов не приемлет мысли, что «и последняя метафизическая истина, которая говорит о “едином на потребу”, тоже принуждает, тоже не спрашивает нас, и что это мы должны спрашивать, а она открывает нам то, что где-то в глубине бытия навеки вырешено без нас и чему нам остается покориться» [там же]: «разве можно кому-нибудь или чему-нибудь передать свое право на Бога, на душу, на свободу? А ведь спрашивая, это право мы передаем кому-то. И кому?» [Там же.]

Шестов был для Лазарева больше чем учителем и другом, однако Лазарев был не только «толкователем» философии Шестова. Лазареву принадлежит одно из первых в России обстоятельных исследований о прагматизме⁶ и одна из наиболее удачных отечественных работ о Бергсоне [см. Блауберг, 2008, с. 11–12, 14], также им была написана статья, сыгравшая заметную роль в истории изучения философии Лекье. Если воспринимать Лазарева только как интерпретатора Шестова, то наше представление о значении его творчества и вкладе в исследование философии будет неполным. У Шестова и Лазарева много общего: интерес не к идеям, а к личностям философов, метод «странствования по душам», борьба за человека и его свободу,

⁶ Наряду с А. Балабаном (Прагматизм // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 4 (99). С. 574–618). Статья Лазарева «Прагматизм. Новое течение в философии» была опубликована в журнале «Русская мысль» (Кн. X. С. 109135).

критика рационализма и интеллектуализма, религиозная направленность. Для Лазарева, как и для Шестова, философия была не умственным упражнением или знанием о первых и последних вещах, а исканием “единого на потребу”, и в этом пункте, как писал Шестов Лазареву 14 февраля 1936 г., их пути скрестились [Хазан, 2019, с. 294]: «...могу сказать, что если бы заключительные слова к “Толстой и Нитше”⁷ не были мной написаны, Вы бы их написали, – особенно, если бы Вы, как и я, принадлежали себе, а не банку, на который у Вас уходили лучшие силы» [там же, с. 295]. И, вероятно, это, а также крайняя скромность, помешали ему сделать то, что он мог бы, – Лазареву принадлежит лишь одна книга: в 1948 г. вдовой мыслителя Б.А. Лазаревой был издан сборник его статей “*Vie et connaissance*” («Жизнь и познание»), переведенных на французский язык Шлёцером, с предисловием Бердяева [Lazareff, 1948]⁸.

Книга Хазана открывает для истории русской мысли и культуры имя и сочинения философа, который оказался вне поля зрения исследователей и читателей. Выходу этого тома предшествовала большая работа: знакомство с массивом литературы; кропотливые поиски в архивах разных стран: Израиля (Национальная библиотека Израиля), России (РГАЛИ, ОР РГБ), Франции (Библиотека Сорбонны), семейных собраниях; она включает в себя трудоемкий процесс по расшифровке ранее не издававшихся материалов и устранению неточностей в уже существующих публикациях, переводы и проч. Письма и статьи Лазарева снабжены обстоятельными вступительными заметками и подробными комментариями, том предваряет развернутый очерк о «жизни и мнениях» философа. Работа, сделанная Хазаном, крайне важна для исследователей русской мысли, для тех, кто интересуется философией Шестова, Бердяева, Шпета, Папини, Лекье, Бергсона, Джеймса и др., а также для всех, кому безразлична судьба русской эмиграции XX в. и ее культурного наследия.

Список литературы

Блауберг, 2008 – *Блауберг И.И.* Вокруг Бергсона, или Новый взгляд на русскую философскую сцену // *Нэтеркотт Ф.* Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917). М.: Модест Колеров, 2008. С. 9–36.

Зеньковский, 2015 – *Зеньковский В.В.* Из моей жизни. Воспоминания. М.: Книжница: Дом Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына, 2015. 464 с.

Лазарев, 1905 – *Лазарев А.* Рец. на кн.: Г. Риккерт. Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки // *Вопросы жизни.* 1905. № 4/5. С. 242–254.

Лазарев, 1909 – *Лазарев А.* Прагматизм. Новое течение в области философии // *Русская мысль.* 1909. Кн. X. С. 109–135.

Лазарев, 1932 – *Лазарев А.* Философская судьба Вильяма Джемса // *Путь.* 1932. № 35. С. 20–55.

Лазарев, 1938 – *Лазарев А.* Философский замысел Жюль Лекье // *Путь.* 1938. № 57. С. 29–47.

Ловцкий, 1960 – *Ловцкий Г.Л.* Лев Шестов по моим воспоминаниям // *Грани.* 1960. № 45–46.

Ремизов, 2002 – *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 10. Петербургский буерак. М.: Русская книга, 2002. 586 с.

Хазан, 2019 – «Усердный толкователь шестовской беспочвенности»: Адольф Маркович Лазарев. Письма. Статьи о Льве Шестове / Сост., общ. ред., вступ. ст. В. Хазана. М.: Водолей, 2019. 440 с.

Fondane, 1982 – *Fondane B.* Rencontres avec Léon Chestov. Paris: Plasma, 1982. 264 p.

Lazareff, 1948 – *Lazareff A.* Vie et connaissance. Paris: Librairie philosophique J. Vrin, 1948. 135 p.

Wahl, 1948 – *Wahl J.* Jules Lequier. Genève; Paris: Edition des Trois Collines, 1948. 163 p.

⁷ «Нужно искать того, что выше сострадания, выше добра. Нужно искать Бога».

⁸ Лазарев умер в декабре 1944 г. в Париже от сердечной болезни.

**The Modest Philosopher Adolf Lazarev: Life, Ideas, Correspondence
(Review on “A Hardworking Interpreter of Shestov’s Groundlessness”:
Adolf Markovich Lazarev. Letters. Articles on Lev Shestov,
ed. by V. Khazan. Moscow: Vodolei Publ., 2019. 440 p.)**

Ksenia V. Vorozhikhina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

The review is dedicated to the new book of Vladimir Khazan, which collects the correspondence of the “forgotten” existential thinker from the “Shestov” circle A.M. Lazarev with G.G. Shpet, N.A. Berdyaev, A.M. Remizov, J. Papini, Lev Shestov, J. Grenier and B. de Schloezer; also included are unknown articles on Lev Shestov’s philosophy. From the introduction and published letters we learn about Lazarev’s biography, the direction of his views, his environment, the life and work of Russian thinkers and writers in exile, as well as the reception of Russian philosophy in Europe. Despite the fact that the views of Shestov and Lazarev have much in common (interest in the personalities of philosophers, “peregrination through souls” as a philosophical method, philosophizing about the “one thing is necessary” (Luke, 10: 42), the struggle for personality and its freedom, criticism of rationalism and intellectualism, religious searches and etc.), Lazarev’s interests are not limited to Shestov’s philosophy: he is the author of one of the first thorough studies of pragmatism in Russia and one of the most successful domestic works about Bergson, he also wrote an article that played a significant role in the history of the study of philosophy J. Lequier. The book of Khazan opens up for the history of Russian thought and culture the name and writings of a philosopher who fell outside the field of view of researchers and readers.

Keywords: Adolf Lazarev, existential philosophy, Russian religious philosophy, Lev Shestov, Henri Bergson, William James, Giovanni Papini

References

- Blauberger I.I. Vokrug Bergsona, ili Novyi vzglyad na russkuyu filosofskuyu stsenu [Around Bergson, or A New Look at the Russian Philosophical Scene], in Nethercott F. *Philosophical Encounter. Bergson in Russia (1907–1917)*. Moscow: Modest Kolerov Publ., 2008. 432 p.
- Fondane B. *Rencontres avec Léon Chestov*. Paris: Plasma, 1982. 264 p.
- Lazareff A. *Vie et connaissance*. Paris: Vrin, 1948. 135 p.
- Lazarev A. Filosofskaya sud'ba William'a James'a [The Philosophical Fate of William James], *Put'*, 1932, no. 35, pp. 20–55.
- Lazarev A. Filosofskii zamysel Jules'a Lequier [The Philosophical Purpose of Jules Lequier], *Put'*, 1938, no. 57, pp. 29–47.
- Lazarev A. Pragmatizm. Novoe techenie v oblasti filosofii [Pragmatism. A New Trend in Philosophy], *Russkaya mysl'*, 1909, vol. X, pp. 109–135.
- Lazarev A. Rets. na kn.: H. Rickert. Granitsy estestvenno-nauchnogo obrazovaniya ponyatii. Logicheskoe vvedenie v istoricheskie nauki [Review on: H. Rickert. The Limits of Concept Formation in Natural Science. A Logical Introduction to the Historical Sciences], *Voprosy zhizni*, 1905, no. 4/5, pp. 242–254.
- Lovtskii G.L. Lev Shestov po moim vospominaniyam [Lev Shestov According to My Memories], *Grani*, 1960, no. 45–46.
- Remizov A.M. *Sobranie sochinenii* [Collection of Works], vol. 10. Peterburgskii buerak [Petersburg Gully]. Moscow: Russkaya kniga Publ., 2002. 592 p.
- «Userdnyi tolkovatel' shestovskoi bespochvennosti»: Adolf Markovich Lazarev. Pis'ma. Stat'i o L've Shestove [“A Hardworking Interpreter of Shestov’s Groundlessness”: Adolf Markovich Lazarev. Letters. Articles on Lev Shestov], ed. by V. Khazan. Moscow: Vodolei Publ., 2019. 440 p.
- Wahl J. *Jules Lequier*. Genève; Paris: Edition des Trois Collines, 1948. 163 p.
- Zen'kovskii V.V. *Iz moei zhizni. Vospominaniya* [From my Life. Memories]. Moscow: Knizhnitsa Publ., 2015. 464 p.